

Редакция журнала «Простор» поздравляет лауреата Государственной премии РК, постоянного автора нашего журнала Жан Бахыта Канапьянова с 75-летием и дарит книгу «Тасбих», выпущенную в «Библиотеке «Простора»» к юбилею выдающегося поэта Казахстана, стихи которого выхо-

дят на многих языках народов мира. Дорогой Жан Бахыт Мусаханович! Желаем Вам долгих лет здоровой, счастливой и бушующей страстями жизни.

ОСЕННЯЯ ЛИСТВА ВОСПОМИНАНИЙ

* * *

Гульнар

Быть может, пробил исповеди час,
Когда в наитишайший этот вечер
Мелькнуло ненароком между фраз
Мгновение той нашей первой встречи.

Быть может, глубина печальных глаз
Таит всё то, что боль мою излечит.
Какая тяжесть нам легла на плечи?..
Своя судьба у каждого из нас.

Твоими я слезами обжигаюсь.
Люблю, грущу, смеюсь, целую, каюсь.
И ни к чему нам уходить в мечты.

Вот – наша жизнь! Она объединяет.
И нас самих друг другу объясняет.
С ней до последней мы дойдем черты.

Жан Бахыт

Всю душу вперёд выставляю,
А счастье встаёт за душой.
А что будет дальше? – не знаю
За этой завесой сплошной.

По-прежнему будет дорога
Вести на иной поворот.
По-прежнему выйдет тревога
За черными птицами нот.

А дальше что будет – то будет;
Не смыть мне морщины со лба.
По-прежнему строчками судит
От звёздного неба судьба.

* * *

Памяти отца

Родной очаг,
За всё прости меня.
За то, что о корнях
Я забываю.
Всё получил
От твоего огня
И ничего в ответ
Не возвращаю.
В степь ухожу,
Там на исходе дня
Своих семь предков
Я не называю.
И ничего почти
О них не знаю,
Но в сумерках
Спешу на храп коня.
Здесь мой аул,
Могила здесь отца.
Начало – здесь.

И нет ему конца.
И этот путь
Продолжен будет мной:
Встречать людей,
Стихи дарить,
И – жить!

Судьбой
Народу своему служить.
Благословляет степь:
– Иди, сын мой!

* * *

Памяти мамы

Когда я заплакал однажды во сне,
 Волшебное слово промолвили мне.
 А утром я вспомнить то слово не мог,
 Мне мать отвечает:
 – Не знаю, сынок...
 Волшебное слово для близких людей
 Мерещится рыбкою в неводе дней.
 Когда засыпаю – в ночной тишине
 Опять это слово приходит извне.
 А утром не вспомнить, найти не могу.
 Один только вздох, что не вставить в строку.
 Как будто бы ношу сын принял из рук:
 Всплакнул он во сне, заворочался вдруг.
 Заветное слово пройдёт ли сквозь сон?
 А если пройдёт, то запомнит ли он?

Земная баллада о космосе*Чингизу Айтматову*

Где эта станция?
 Где эта станция?
 – Там.
 Как зовется она?
 «Тюре-Там» – говоришь?
 – «Тюре-Там».
 И солнцем палима
 и пламенем
 мощных ракет
 Земля,
 что на карте
 в жёлтый
 окрашена цвет.
 Где эта станция?
 Где эта станция?
 – Там.
 «Тюре-Там» по-степному
 зовется она.
 «Тюре-Там».

...Вот лётчиков группа
 в тени на перроне стоит,
 и степная листва
 над ними слегка шелестит.
 Посмотрит старушка
 и тут же забудет про них,
 идёт вдоль вагонов,
 и звонкий
 доносится крик:

– Бир сом одна дынька! –
 Людские мешая слова,
 прячет смятые деньги
 в цветистые рукава.
 Она
 видит ночами
 пылающий в небе костер.
 Она
 внука не пустит
 за дальний
 запретный бугор.
 Узнает
 лишь завтра
 о том,
 что случилось вчера:
 в полнеба,
 в полнеба
 след
 космического
 костра.

Где эта станция?
 Где эта станция?
 – Там.
 «Тюре-Там» – говоришь?
 – «Тюре-Там» – говорю.
 «Тюре-Там».

Поезд тронется,
 степь
 проплывает
 с обеих сторон.
 Быть может, в купе
 кто-то скажет:
 – Вон там космодром!
 Как обыденно всё,
 ни ферм не видать,
 ни ракет,
 лишь локатора ухо
 да тревожный
 на завтра
 рассвет.
 Да «уазик» пылит,
 скрывшись
 за безымянным холмом...
 Ты взгляни, лейтенант,
 ты вернёшься,
 ты вспомнишь о том,
 что здесь эта станция,
 здесь эта станция,
 здесь.
 И взлетает орёл
 над тобою –
 как добрая весть.

Мастеру*Олжасу Сулейменову*

Нести – строка к строке – на встречные года
 Из залежей веков руды богатой сколы.
 Напоминая нам бывшего ореолы,
 Мерцают зёрна на изломах – как слюда.

Юнцы иглою, что на диске радиолы,
 Судьбы выносят ритм в большие города...
 Спасибо, старший друг,
 за мудрость вашей школы,
 Что неизвестная за нею мне гряда.

Что образ слова из глубин людской души
 Встаёт над суетой, над пропастью во ржи,
 Над озером, в ночи укутанным туманом.

Поэта увлечет и дервиш-пилигрим,
 И Назаря, Византия, Третий Рим,
 И безымянная балбала за курганом.

Вслушаться – заслушаться*Гульзаре*

Погружаешь пальцы
 В ящик светлой музыки.
 Чёрно-белых клавишей
 Возгласы слышны.

Всё,
 Что было случаем,
 Освещает музыка:
 Вспомнилась мне
 Улица,
 Встреча у сосны.

Чем с обидой хмуриться,
 Лучше мне прислушаться,
 Вслушаться – заслушаться,
 Встретиться с тобой.
 За окном вся улица
 Фонарями щурится,
 Чтоб не вышла в будущем
 Встреча стороной.
 Пальцы твои тонкие
 Отведу от ящика.
 Прекратится музыка,
 Улица молчит.

Долина*Сержану Канопьянову*

В долине таял образ дня,
 Рождались тени.
 Куст превращался возле пня
 В рога оленя.

Бездонно следом ночь плыла,
 Дышала тучей
 Сквозь слой воздушного стекла
 Над горной кручей.

Войду ли в ночь... Но белый конь
 Скачком с кургана
 Обронит и в мою ладонь
 Росу тумана.

В ней возгорится образ дня
 Лучом кристальным...
 Всё повторится без меня
 В долине дальней.

Фонари всей улицы
 Освещают ярче нас,
 Или эта музыка
 В нас уже звучит?
 Чем с обидой хмуриться,
 Лучше нам прислушаться,
 Вслушаться – заслушаться
 Возле той сосны.
 За окном, где улица,
 Бродит наша музыка,
 Чёрно-белых клавишей
 Возгласы слышны.

Страна юности и детства*Раушан Мусаханқызы*

Мы всё еще прошлым живём,
 Романтикой бывшей страны.
 В час оный всё так же вдвоём,
 Но с этой уже стороны.

Не знали, что там наверху,
 Не рвались на бал сатаны.

Душой уходили в строку
 На гребне сердечной волны.
 Порою с весельем был страх,
 Вернее, лукавым он был.
 Но что-то дышало в стихах,
 Как будто бы ангел кружил.

Стихами помянем страну,
 Покуда мы живы, она
 Из памяти тянет струну,
 И звоном стоит тишина.

Гомер и эпос

Мурату Ауэзову

– Вечность прошла, что помнишь, двойник мой, с тех незапамятных пор?
 – Всё помню отару, в долину плывущую волнами с гор.
 В ней будущей жертвой плакал кудрявый, быть может, ягненок.
 Но это я понял не сразу, понял не сразу спросонок.
 – А что было дальше? – А дальше оставил открытым шатер
 И вышел в долину, и бился в долине рогами костер.
 И мчались к костру Шайкуйрык, Тайбурыл, Маникер, Кокжорга,
 Всадники пали и умирали от ран в плену у врага.
 И тризну справляли по всадникам лошади, выбив следы,
 И – кружились, кружились, кружились лошади, встав на дыбы.
 А их жилы напомнили мне в аркане сплетённом узлы,
 Что клювом литым разрывали парящие в небе орлы.
 А их мощные груди прочнее древних гранитных камней,
 Плит надгробных в мазарах были могучие груди прочней.
 Вздымали копыта и ржали, касаясь копытами звёзд,
 И там высекали небесную молнию будущих гроз.
 От этих поминок в долине степной на века я ослеп.
 Саркыт остался от тризны. Прими, вот – кумыс, мясо и хлеб.

* * *

Памяти няни

Спит няня моя – Исакова Евдокия Михайловна,
 Я помню, как в школу меня по утрам она снаряжала:
 Три учебника, стопка тетрадей, в пенале ручка с пером –
 Это во имя того, чтобы слово в душе преломилось.
 Чтобы, как яблоко осенью, я чувствовал слово на вкус,
 Как глубину глаз материнских – я чувствовал слово на взгляд,
 Как нянину песнь о России, я чувствовал слово на слух,
 Грозью набухшего облака чувствовал слово на вес –
 Это во имя того, чтобы слово судьбу продолжало.
 Спит моя няня – Исакова Авдотья, дочь Михаила,
 Жизни минувшей заботы здоровье её подорвали.
 И я, как сиделка, сижу у воздушной кровати ее,
 Слово из детства буквами горло дерёт, воздух глотаю,
 Няня откуда-то издали молвит: – Твой раскрылся портфель.

* * *

Шоте Валиханову

Позабывтый мной с детства язык,
 Пресловутое двуязычие,
 При котором теряю свой лик
 И приобретаю двуличие.
 Я пойму неизвестного мне
 Уходящего аборигена,
 Но когда я среди ночи во сне
 Перед предком склоняю колено,
 Сознаю, что не верит он мне,
 Как пришельцу из тяжкого плена.
 Усмехнется он в той стороне:
 Ты меня недостойная смена.

* * *

Сергею Мнацаканяну

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу,
Как будто бы мелочь в кармане,
Случайно найду я строку.

И, вторя, ей горная речка
Весёлую пару найдёт
У мостика возле местечка,
Где речка даёт поворот.

Строфою рождается образ
И птицею бьётся в строфе.
И эта вся горная область
Поэзией выйдет к тропе.

И – облаком дышит в долине,
Где к осени греет костер.
И – холодом веет к вершине,
Где беркут крыла распростёр.

На горной дороге в тумане,
На горной дороге в снегу
Нас мир окружающий манит
И следом рождает строку.

А я ничего не умею,
А я ничего не хочу.
А я перед этим немею
И не зажигаю свечу.

Я просто пишу стенограмму,
И авторство мне ни к чему,
Но путь мой к небесному храму
Не повторить никому.

Старый дом

Ерулану Кананьянову

Днём и ночью здесь тёмные окна,
Я войду – половица скрипит.
Слышу, слышу, что ей одиноко,
И – поэтому в доме не спит.

Помнит почерк походки – как лица,
Помнит то, что хранит этот дом.
В детстве, может быть, мне
половица
Пела сказку о доме родном.

Здесь над крышей витала эпоха,
Был за окнами сталинский тракт.

Я вздохну,
я пройдусь,
и от вздоха
То всхлипнет,
то скрипнет
мне в такт.

И всю ночь я веду с половицей
Той печальной души разговор,
Когда в мире от сердца не спится
И – не выспаться мне до сих пор.
И под медный ли траур Шопена,
И от скорбных шагов похорон
Ты свой скрип загоняла под стены,
Но ночами мне слышался стон.

Здесь в углу моя мама вязала
На суровую зиму носки.
Не её ли ты плачу внимала,
Всё цепляясь гвоздём за клубки?..
Что хранишь, что хранишь под собою,
Дома старого радость иль страх?
Подниму – и найду под тобою
Поистершийся старый пятак.

Шварцвальд

Герольду Бельгеру

Панорама чёрных гор
Виноградниками дышит.
Одинокий кот на крыше
Мой притягивает взор.
Панорама чёрных гор.

Где-то там невдалеке
Город Кёльн и Баден-Баден.
Здесь веками быт налажен.
И ночлег мой на мансарде,
И тропиночка к реке.

Где-то там невдалеке
Деревушка Лаутенбах,
Родина известных сказок.
Ироническая фраза,
Винный привкус на губах,
Деревушка Лаутенбах.

По дороге побреду,
Что ведёт до Оберкирха.
Стрёкот газовой косилки,
Зреют яблоки в саду.
По дороге побреду,
Сказку, может быть, найду.